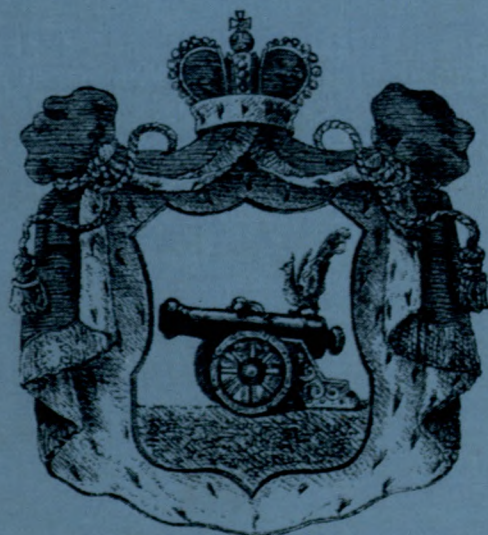

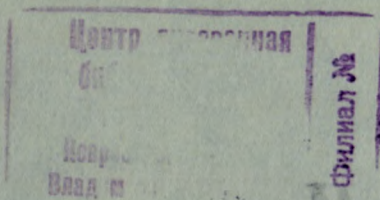
63.3
р. 91

Н.В. Фролов

И Л Ш И
В Я З Ё М С К И Ё

(4/3)

Данное издание рассказывает о роде князей Вяземских — той его ветви, история которой непосредственно связана с Владимирским и Ковровским краем.

Несмотря на всероссийскую известность рода, его владимирская ветвь пока еще мало изучена. В брошюре охвачена эпоха с начала XVII столетия до наших дней. В настоящее время потомки «наших Вяземских» живут во Франции.

Брошюра предназначена для всех, интересующихся отечественной историей и генеалогией.

На обложке: герб рода князей Вяземских.

Издание автора.

Неизвестные известные Вяземские

«Воистину, неисповедимы пути Господни. Порой поражают хитро-сплетения людских судеб, различных событий и обстоятельств. В истории иногда случаются удивительные комбинации, предугадать которые было бы невозможно. Сегодня мы попытаемся в качестве примера рассмотреть одну из таких исторических ситуаций, где причудливо переплелись в едином повествовании различные фамилии, города, страны и столетия. Думается, это будет небезынтересное занятие, так как историческое исследование зачастую почти сродни детективу, с той лишь разницей, что здесь пытаются настичь не коварного злодея, а безвозвратно минувшее время». Такими витиеватыми фразами восемь лет назад, в далеком уже 1995-м, я начал статью «Славный род князей Вяземских». За это время многое изменилось. Я сам стал коварным злодеем и, как положено для такой категории лиц, изолирован от вольного общества. Но исторические изыски, любовь к расследованию загадок прошлого, не потеряли для меня значения и сейчас. Про связь князей Вяземских с нашим краем, о малоизвестных страницах хроники знаменитого рода скопилось немало сведений, которые хотелось бы собрать воедино. Возможно, кому-то это покажется интересным, а собранные любопытные факты не пропадут напрасно и еще послужат краеведам и историкам будущего.

Николай Фролов,
Владимирский Централ, 2003 год.

Наши Вяземские

О фамилии Вяземских слышали и знают, наверное, все сограждане, хоть как-то склонные к миру истории и литературы. Прежде всего, конечно, приходит на ум друг А. С. Пушкина, поэт князь Петр Андреевич Вяземский. Он не так уж и далек от нас, как кажется на первый взгляд. Помните? Избранное губернское общество в загородной усадьбе наслаждается светским приемом. После исполнения патриотических песнопений встает старый полковник-гусар, герой войны 1812 года, и выводит с хрипотцой, что называется от всей души, словно выражая сокровенные свои мысли:

*Я пережил и многое, и многих,
И многому изведаль цену я;
Теперь влачусь в одних пределах строгих
Известного размера бытия.
Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем все ближе и темней.
Усталых дум моих полет стал низок,
И мир души безлюдней и бедней.*

.....

*По бороздам серпом пожатой пашни
Найдешь еще, быть может, жизни след;
Во мне найдешь, быть может, день вчерашний. —
Но ничего уж завтрашнего нет.
Жизнь разочлась со мной; она не в силах
Мне то отдать, что у меня взяла,
И что земля в глухих своих могилах
Безжалостно навеки погребла.*

В исполнении Валентина Гафта этот романс на стихи князя Петра Андреевича Вяземского проникновенно звучит в фильме режиссера Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово». И хотя на полковнике Гафте совершенно несуразный мундир и полный бардак с орденами — крест георгиевский, а звезда аннинская — в общем, консультанты подкачали, романс сам по себе переносит зрителя в другой мир, позволяет почувствовать пьянящий, чуть с горчинкой аромат былого. Так почти что «архивный» Вяземский зазвучал вновь — причем вполне понятно и созвучно нашему сумасшедшему времени.

Но, несмотря на вроде бы всевропейскую, если не всеевропейскую — в исторических, генеалогических и аристократических кругах — известность,

род Вяземских сравнительно малоизучен. Особенно та его ветвь, которая имеет самое непосредственное отношение к Ковровскому краю, в частности, и к Владимирскому — в целом. Данное упущение мы и попытаемся восполнить.

Потомки князей Смоленских

Вообще-то князья Вяземские — потомки смоленских удельных князей. У них даже родовой герб общий с гербом города Смоленска — на зеленой траве стоящая черная пушка на золотом лафете, а на пушке сидящая райская птица. Родоначальником смоленских князей стал князь Ростислав Мстиславич, живший в далеком XII столетии и приходившийся внуком великому князю киевскому Владимиру II Мономаху — одному из предполагаемых основателей города Владимира на Клязьме. Правнук князя Ростислава Смоленского — князь Андрей Владимирович, по прозвищу Долгая Рука, получил в удел городок Вязьму, входивший тогда в Смоленское княжество, и стал основателем династии Вяземских. Вплоть до 1494 г. потомки князя Андрея сохраняли за собой Вяземский удел, а потом стали служилыми князьями при дворе великих князей Московских. Со временем род Вяземских разделился на несколько ветвей, из которых речь пойдет о той, что ведет начало от князя Семена Юрьевича Вяземского, жившего во второй половине XVI-начале XVII столетий и являвшегося потомком Рюрика в XX колене.

Родоначальник владимирской ветви князь Семен Вяземский жил в трагическую пору окончания династии Рюриковичей на троне и Великой Смуты. Эти события самым непосредственным образом повлияли на драматическую судьбу князя С. Ю. Вяземского. Начал службу он еще при царе Федоре Иоанновиче, в 1588/1589 г. был выборным дворянином по Костроме с поместным окладом 500 четвертей. В 1592/1593 г. по государеву указу князь Семен Юрьевич был послан собирать детей боярских на Кострому. В 1601 г. уже при Борисе Годунове Семен Вяземский находился в Козьмодемьянске «на правее». К 1604 г. его денежный оклад составлял 20 рублей. Конец царствования Годунова князь встретил воеводою в Епифани. Первый Лжедмитрий назначил его на воеводство в Рязск. При Лжедмитрии II — «Тушинском воере» князь Вяземский служил также воеводою,

Герб рода
князей Вяземских

приняв сторону этого самозванца. В январе 1609 г. отряд тушинцев под командованием князя Семена Юрьевича сделал попытку захватить Нижний Новгород. Но нижегородцы разбили атакующих, а князя Вяземского взяли в плен. Его повесили — предали позорной казни, которая обычно к Рюриковичам не применялась. Одна из хроник того времени так живописует этот эпизод братоубийственной, во многом, войны: «Собрались многие понизовые люди: мордва и черемиса, и пришли под Нижний Новгород, и город Нижний осадили. Из Тушина пришли под Нижний литовские люди. Воевода у них был князь Семен Вяземский. Нижегородцы же, видя такое утеснение городу, и прося у Бога милости, пошли на вылазку. И тех литовских людей и русских воров перебили многих, и воеводу у них князя Семена взяли и в Нижнем повесили без государева ведома».

Можно констатировать, что Вяземский оказался жертвой присяги царю «Дмитрию Ивановичу», примерно, как и погибший в том же году владимирский воевода Михаил Вельяминов. Разобраться в годы Смуты, кто истинный государь — некто, утверждавший, что он сын Иоанна Грозного, или князь Василий Шуйский — из младшей, нецарствовавшей ветви Рюриковичей, к которой принадлежал и Вяземский, — было трудно. Отец будущего царя Михаила Романова, кстати, активно сотрудничал с самозванцами. Именно Лжедмитрием I он в 1605 г. был возвращен из ссылки и возведен в сан митрополита Ростовского. Неудивительно, что сын погибшего от рук нижегородцев С. Ю. Вяземского князь Никита позже верой и правдой служил Романовым, которых, по иронии судьбы, те же нижегородцы с Козьмой Мининым и князем Дмитрием Пожарским во многом и посадили на престол. Кстати, был в чести у царя Михаила, например, суздальский воевода Лжедмитрия II Федор Плещеев, разоривший в том же 1609 г. слободу Холуй и село Кляземский Городок¹.

Князь Никита Семенович Вяземский при дворе царя Алексея Михайловича в 1649-1651 гг. воеводствовал в городе Епифани. За свою верную службу князь Никита Вяземский еще первым царем из династии Романовых Михаилом Федоровичем был пожалован поместьем — селцом Старая Чистуха Владимирского уезда в 25-ти верстах к северо-востоку от Владимира, что ныне село Чистуха в пределах современного Камешковского района². Так Вяземские впервые «прописались» на нашей земле. Причем на два с лишним столетия.

Помещики владимирские и суздальские

От князя Никиты селцо Чистуху унаследовали три его сына — Иван, Матвей и Василий Никитичи Вяземские. Тогда владельцем половины селца

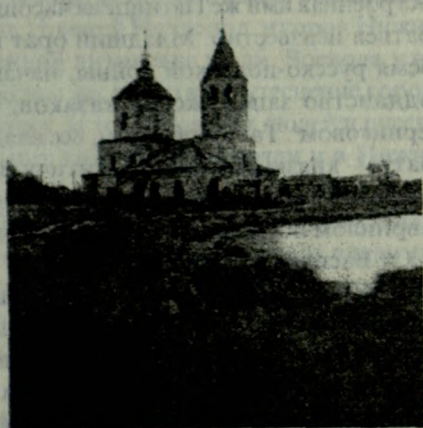
стал князь Иван, а второй завладели братья князя Матвей и Василий. В 1645 г. владимирские владения Вяземских описывались следующим образом: «... в сельце на опчей земле часовня деревянная клетчки, а в ней чудотворный образ святой великомученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы, строение помещиково, в сельце два двора помещичьих, 10 дворов крестьянских и бобыльских»³. То есть в Чистухе имелись две усадьбы Вяземских и построенная ими же Пятницкая часовня. Потомство от старшего и младшего братьев неизвестно. Младший брат князь Матвей Никитич Вяземский во время русско-польской войны, начавшейся после принятия в российское подданство запорожских казаков, был убит в 1660 г. в сражении под Черниговом⁴. Таким образом, все владимирское имение осталось младшему брату — князю Василию Никитичу Вяземскому. В 1678 г. за ним в Чистухе значилось 5 крестьянских дворов, а другая часть сельца состояла за стряпчим Гавриилом Богдановичем Колупаевым⁵.

От Василия и продолжился род. У него было два сына — Петр и Иван и две дочери — Евдокия и Анна. Княжны ничем особенным себя не проявили. Евдокия Васильевна Вяземская была замужем за дворянином Алексеем Федоровым. Оба супруга здравствовали еще в 1719 г. Ее младшая сестра Анна Васильевна Вяземская первым браком вышла за дворянина Петра Семеновича Федорова, а вторым браком к 1700 г. — за Тихона Никоновича Айгустова и жила в селе Коверино Владимирского уезда. Анна Айгустова, урожденная Вяземская, умерла в 1725 г. Из братьев старший, князь Петр Васильевич Вяземский служил стольником в начале царствования своего тезки Петра Великого. В 1694 г. князь Петр выстроил в Чистухе первую по времени церковь во имя святого великомученика Георгия Победоносца. В 1695 г. этот деревянный храм был освящен священником села Дорошево Дмитровского уезда о. Борисом. С того времени Старая Чистуха стала селом. В 1696 г. там значились дворы попа, дьячка, просвирицы, двор помещиков и 15 крестьянских дворов. У князя Петра известен один сын князь Григорий Петрович Вяземский. К 1715 г. он уже скончался. После Григория осталась только вдова княгиня Ирина Васильевна Вяземская — без потомства⁶.

Род продолжился от младшего брата князя Петра — Ивана Васильевича Вяземского. Он служил уже во время Северной войны со шведами, участвовал во многих сражениях и ко времени заключения Ништадтского мира в 1721 г. имел чин майора. В отставку князь Иван вышел подполковником⁷. Он был жив еще в начале царствования императрицы Анны Иоанновны, когда отказал на содержание Георгиевской церкви земли 4 четверти в поле и сенных покосов 6 копен. У подполковника Ивана Вяземского известен лишь один сын Александр, от которого и пошла вся последующая ветвь этого древнего княжеского рода.

Храмоздатель во втором поколении

Подобно отцу и многим поколениям предков, князь Александр Иванович Вяземский избрал военную карьеру. Он служил в полевой артиллерии, знал толк в военно-инженерных науках — математике, геометрии, фортификации, владел немецким и латинским языками. Занимался князь и снабжением артиллерийских частей по провиантской части. В царствование дочери Петра I императрицы Елизаветы Петровны он участвовал в боях с Пруссией во время Семилетней войны, и ко времени вступления на престол в 1762 г. Екатерины II имел чин майора артиллерии. В отставку князь вышел артиллерии полковником. Помимо села Чистухи, князю Александру Вяземскому досталось еще одно имение во Владимирском уезде — сельцо Коверино в 40 верстах от Владимира и в 12 верстах от села

*Троицкий храм села Чистуха,
построенный княгиней
Пелагеей Андреевной Вяземской.
Фото 2001 г.*

Усолье на Уводи. Еще в молодости князь стал инициатором строительства в Коверине деревянной церкви в честь Воскресения Христова. Предыдущий храм, бывший в Коверине еще в XVII столетии, сгорел, и от него оставался лишь каменный фундамент на старом сельском кладбище. Само коверинское имение досталось Александру Вяземскому в 1729 г. по наследству от тетки Анны Васильевны Айгустовой, урожденной княжны Вяземской.

В 1730 г. князь Александр Иванович подал в Синодальный казенный приказ прошение следующего содержания: «В сельце Коверине по пред сего бывала церковь деревянная во имя Обновления храма Воскресения Христова и в прошлых годах, того сказать никто не упомнит, она церковь изволением Божиим сгорела, и ныне оной церкви вновь без указа построить не смею, а оное мое сельцо да деревня Крутоки от церкви весьма удалены, а именно верст с 10 и больше, к тому ж летним временем за великими лесами, топяи, также и болотами, которые по версте весной и в осень, оными болотами и необходимыми топяи и пройти невозможно к той церкви, а как церковные случаются потребности в то время не токмо приезд, но и пешему придти с

великою труднотию, как болящим, так и новорожденным младенцам бывает великая нужда, отчего за вышеоказанную дальностию той приходской церкви умершие долговременно пребывают без молитвы, а в оном сельце Коверине двор помещиков и в нем дворовые люди да крестьян 15 дворов, да в деревне Крутоках 5 дворов, да отца князя Ивана Васильевича Вяземского в деревне Почаеве 8 дворов ... и кроме показанного прихода буду я попа и дьячка довольствоваться в год денег 15 рублей, хлеба ржи 15 четвертей, овса тож, круп овсяных и гречневых по четверти, гороху четверть, мяса свиного 5 пуд, соли 5 пуд, вина 5 ведер, дров 10 сажень; и прошу о строении в оном сельце Коверине вновь деревянной церкви во имя того же храма дать указ».

Кроме того, князь прибавил, что если причт нового храма не пожелает брать от него помощь продуктами, то он уступит ему 10 четвертей своей земли в поле и сенных покосов на 10 копен. Заслушав прошение князя, Синодальный казенный приказ 27 января 1730 г. повелел архимандриту Владимирского Рождественского монастыря Сергию проверить действительное положение дел. По его указу на место выезжал канцелярист Владимирского Синодального духовного приказа Ксенофонт Головашкин. Им были опрошены крестьяне ближайших селений, и они показали верность изложенного в прошении князя. Разрешение на строительство храма в сельце Коверино было получено. Указ о строении деревянной церкви на прежнем месте был дан 21 сентября 1732 г. А уже 3 августа 1733 г. князь Александр Вяземский докладывал в Синодальный казенный приказ, что церковь им в его вотчине в селе Воскресенское, Коверино тож, построена и церковным благолепием украшена и к освящению готова. Указ об освящении храма был выдан протопопу Успенского собора г. Владимира Якову Головашкину, который и освятил новую церковь 14 октября 1733 г.⁸ Это был уже второй храм, выстроенный Вяземскими в своих владимирских имениях. Деревянная церковь, устроенная в Коверине князем Александром Вяземским, простояла почти 60 лет. Помимо храмоздательства, князья делали богатые вклады в церкви собственных вотчин. Так, например, в 1742 г. А. И. Вяземский пожертвовал в храм села Чистухи серебряный позолоченный крест с частицами святых мощей⁹.

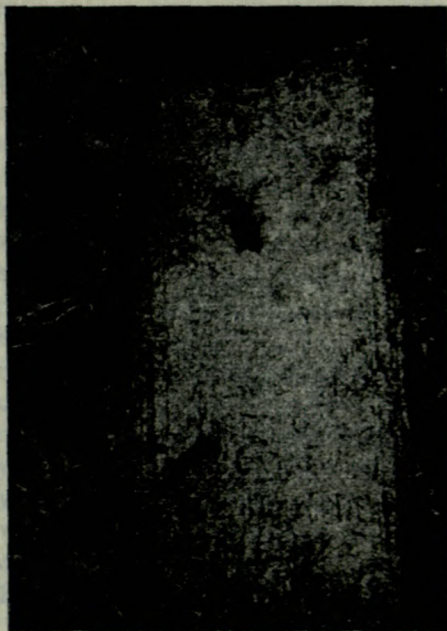
К 1771 г. князь Александр Иванович Вяземский скончался, и погребен был у алтаря Георгиевской церкви села Чистуха. Его вдова княгиня Пелагея Андреевна доживала свой век в Чистухе. Кроме этого села, за ней к 1782 г. числилось то же село Коверино Владимирского уезда, сельцо Каменово Ковровского уезда, село Якиманское Суздальского уезда, село Приклон Меленковского уезда и часть села Картмазово Судогодского уезда. Таким образом, владения Вяземских находились в пяти уездах Владимирской губернии, в том числе и в Ковровском (ныне село Каменово в Камешковском

районе) и в соседнем с нынешним ковровским селом Мишиново Картмазове на границе Ковровского и Судогодского уездов. Стоит отметить, что село Приклон княгиня Пелагея Андреевна Вяземская унаследовала от своего первого мужа гвардии подпоручика Петра Дорофеевича Языкова. О численности крепостных князей Вяземских говорят данные ревизских переписей. Так, в сельце Каменово за княгиней Пелагеей Вяземской в 1782 г. числилось 33 души мужского пола и 36 душ женского пола, а в селе Картмазово за ней же в 1762 г. значилось 27 душ мужского пола и 38 душ женского пола¹⁰. Несомненно, что значительно больше крестьян Вяземским принадлежало в их родовых вотчинах — селах Чистуха и Коверино.

В 1772 г. вдова князя Александра Ивановича Вяземского в память о своем муже выстроила в своем имении селе Чистуха новую каменную церковь с шатровой колокольной взамен обветшавшего деревянного храма. Престолов в церкви было устроено два: в холодной летней части во имя Пресвятой Троицы, а в теплой зимней во имя святого великомученика Георгия Победоносца. К 1795 г. княгиня Пелагея Андреевна Вяземская уже скончалась. Будучи 1714 года рождения, она прожила в течение восьми царствований и умерла не меньше, как на восьмом десятке. Сегодня о князьях Вяземских в Чистухе напоминает лишь запустевший храм в центре села. От прежней дворянской усадьбы не осталось и следа. Ее прежнее расположение лишь еще как-то можно угадать по немногим вековым липам, сохранившимся недалеко от церкви и сельского пруда¹¹.

Городничиха из Суздаля

У князя Александра Ивановича и княгини Пелагеи Андреевны Вяземских было двое детей-погодков — дочь и сын. Старшей стала княжна Прасковья Александровна Вяземская, родившаяся в 1761 г. — в год смерти императрицы Елизаветы Петровны и воцарения несчастного Петра III. Родители долго искали дочери подходящего жениха среди соседей-помещиков. Небогатые по столичным меркам князья решили породниться с дворянским семейством своего круга — Хметевскими. Их род известен с XV века. Отец избранника Андрей Иванович Хметевской по матери приходился потомком князьям Гундоровым-Стародубским — таким же Рюриковичам, как и Вяземские, только из более младшей ветви династии. Его мать княжна Прасковья Федоровна Гундорова — потомок Рюрика в XXIV колене. Сам Андрей Иванович дослужился до чина надворного советника и в 1779 г. выстроил в своем живописном имении селе Березовик на реке Вязьме Ковровского уезда каменный храм. То есть традиции семейства Хметевских, как ревнителей православия, были вполне схожи с традициями владимирских

*Надгробная плита
Лукерья Алексеевны Хметевской,
урожденной Жеребцовой.
Фото 2001 г.*

Вяземских. Символично, что, породнившись с Хметевскими, князья Вяземские на Ковровской земле попали таки на Вязьму. Эта речка в Ковровском уезде ничего общего не имеет с одноименным городом, но все равно совпадение весьма примечательно. Женат А. И. Хметевской был на Лукерье Алексеевне Жеребцовой, из древнего — одного корня с царской фамилией Романовых, но обедневшего дворянского рода. До сих пор в селе Березовик прежнего Ковровского уезда, а ныне Тейковского района Ивановской области, за алтарем выстроенной А. И. Хметевским церкви сохранилась каменная плита с частично поврежденной надписью: «[Под сим камнем] погребена раба Божия Лукерья Алексеевна, жена надворного советника Андрея Ивановича Хметевского, жития ея было 52 года, погребена... 30 ян[варя] 1777».

У четы Хметевских был единственный сын Петр, который и стал мужем княжны Прасковьи Александровны Вяземской. Петр Андреевич Хметевской родился в 1757 г. и был на 4 года старше своей супруги. Их свадьба состоялась где-то около 1780 г., возможно, в селе Березовик, где вскоре молодые и поселились. Петр Хметевской в то время был записан на службу в лейб-гвардии Преображенский полк, где в 1782 г. получил первый офицерский чин прапорщика. Перейдя на гражданскую службу, Петр Андреевич в 1785-1796 гг. занимал должность городничего в Суздале, достигнув чина надворного советника. После воцарения императора Павла I вышел в отставку и больше уже не служил. В 1799 г. в 42 года П. А. Хметевской скончался. От брака с княжной Прасковьей Вяземской у него родился лишь один сын, окрещенный в честь деда по отцу Андреем. Сын княжны Прасковьи и внук князя Александра Ивановича Вяземского Андрей Петрович Хметевской родился 16 августа 1784 г. в селе Березовик Ковровского уезда, а крещен был 19 августа в построенной его дедом по отцу церкви — в день памяти мученика Андрея Стратилата¹².

Курьер к Кутузову

Андрей Хметевской получил хорошее домашнее образование, знал иностранные языки, приобрел любовь к чтению. В 1800 г. он поступил на службу в Навагинский мушкетерский полк, отсюда стараниями родни в 1802 г. был переведен портупей-прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. В марте 1805 г. Хметевской вышел в отставку гвардии подпоручиком. В 1806-1808 гг. по выбору дворянства он занимал должность пятисотенного начальника и ротного командира во Владимирской земской милиции — ополчении, собранном для отражения возможного вторжения армии Наполеона в Россию. За эту службу Андрей Петрович был пожалован золотой медалью на Владимирской ленте с надписью: «За веру и Отечество». В августе 1812 г. Хметевской вступил во Владимирское ополчение. Командующий ополчением генерал-лейтенант князь Борис Андреевич Голицын не раз посылал внука князя Вяземского отставного гвардейца Хметевского курьером к главнокомандующему генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Михаилу Илларионовичу Кутузову-Смоленскому. Это наиболее яркая страница в биографии А. П. Хметевского. В 1815-1826 гг. Хметевской занимал пост покровского уездного предводителя дворянства, а в 1826, 1830-1832 и 1842-1845 гг. — владимирского губернского предводителя. Одновременно он занимал множество других общественных должностей и был пожалован орденами св. Владимира IV ст. и св. Анны Цст. с императорской короной. В 1841 г. Андрей Петрович пожертвовал 700 французских книг, из которых были 200 старинных, в библиотеку Владимирского благородного пансиона. Скорее всего, туда попала и часть фамильного книжного собрания князей Вяземских. Хотя Андрей Петрович был женат два раза — первый раз на Марии Дмитриевне Кузьминой-Караваевой, а вторым браком на Анне Николаевне Ляпуновой, детей у него не было. После его кончины 14 октября 1849 г. во Владимире в возрасте 65-ти лет пресекался род Хметевских и, одновременно, потомство Вяземских по этой линии. Похоронили Андрея Петровича Хметевского в Андреевском приделе Рождественского собора Боголюбовского монастыря. Мать Андрея Петровича Прасковья Александровна скончалась между 1811 и 1816 гг. на шестом десятке. Так закончилась история семейства княжны Прасковьи Вяземской¹³.

Сиятельный полковник

Младший брат Прасковьи, князь Георгий (Егор) Александрович Вяземский родился в 1762 г. и был всего лишь на год моложе своей сестры.

Его молодость пришлась на царствование императрицы Екатерины II. По обычаю того времени, имея, очевидно, связи при дворе, молодой князь в 1779 г. был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, где в то время уже служил его зять Петр Хметевской. В 1786 г. князь Георгий Вяземский получил вождеденный первый офицерский чин лейб-гвардии прапорщика и остался в полку, где постепенно рос по служебной лестнице. В 1787 г. он был произведен в подпоручики, в следующем году — в поручики, а в 1790 г. — в гвардии капитан-поручики. Оттуда 1 января 1793 г. князь был высочайшим указом выпущен из гвардии с производством в армейские подполковники. Вероятно, дальше продолжать службу в гвардии князь не смог из-за недостатка средств. К 1795 г. князь Георгий Александрович состоял сверх комплекта в Старооскольском пехотном полку, откуда 30 октября того же года вышел в отставку с чином полковника. Из многочисленных имений, доставшихся по наследству от родителей, князь Георгий Вяземский выбрал село Якиманское Суздальского уезда, где и поселился. Там на берегу реки Нерли был устроен красивый усадебный парк, причем все «дворянское гнездо» занимало обширную территорию. Забегая вперед, нельзя не сказать, что живописное Якиманское оказалось связанным с одной из самых мрачных страниц в истории рода Вяземских.

В суздальском имении его сиятельство поселился с молодой женой. Где-то в самом конце 1790-х гг. он женился на Прасковье Павловне Лотаревой. Об этой даме более подробно будет сказано ниже. Как титулованный и чиновный помещик князь в декабре 1799 г. был избран кандидатом (заместителем) суздальского уездного предводителя дворянства, а на следующее трехлетие в 1803-1805 гг. занимал уже пост суздальского уездного предводителя. Князь Георгий служил во владимирской милиции 1806-1808 гг., а в августе 1812 г. был назначен командиром батальона 1-го пешего казачьего полка Владимирского ополчения. В последней должности он состоял более полугода. Службу ополченца князь оставил раньше времени по болезни. Возможно, вскоре после окончательной отставки князь скончался, будучи на шестом десятке. Хотя вероятно и более поздняя дата его смерти, так как сыновья Г. А. Вяземского в 1827 г. разделили отцовские имения. За Георгием Вяземским числилось 620 душ в селах Коверино, Чистуха, Картмазово, Якиманское и других. У Вяземских также был свой дом в Москве¹⁴.

В начале 1790-х гг. на пожертвования князя Георгия Вяземского в его родовой вотчине селе Коверино вместо ветхой деревянной церкви, построенной еще родителем князем А. И. Вяземским, был устроен новый трехпрестольный каменный храм. В холодной летней церкви престол освятили в честь Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня, а в теплых приделах — в честь Боголюбской Божией Матери и святого великомученика Георгия

Победоносца. Здание этой церкви, хотя и в значительной степени разоренное, сохранилось до сих пор¹⁵.

Потомки суздальцев Молвяниновых

Супругой князя Георгия Александровича Вяземского была Прасковья Павловна Лотарева — дочь статского советника Павла Михайловича Лотарева от брака с Александрой Петровной Молвяниновой. Ее отец принадлежал к родовитому дворянству Тамбовской губернии. Павел Михайлович Лотарев начал военную службу еще в 1761 г. — в последний год царствования императрицы Елизаветы Петровны. Почти 20 лет Павел Лотарев отдал ратному поприщу и к 1780 г. вышел в отставку в чине полковника. После этого он перешел на службу по выборам дворянства в родной Тамбовской губернии. В 1785-1788 гг. полковник Лотарев занимал должность усманского уездного предводителя дворянства — родовое имение Лотарева находилось именно в Усманском уезде Тамбовской губернии. Ныне город Усмань расположен в Липецкой области. Основан он был еще в 1645 г. как острог на Белгородском оборонительном рубеже, и свое название получил по реке. Позднее на всю Россию Усмань славился как один из центров хлебной торговли. И сегодня бывший уездный город Усмань пользуется всероссийской известностью, во всяком случае — у курящих, ибо там находится крупная табачная фабрика.

В 1788-1794 гг. Павел Михайлович Лотарев два срока подряд занимал пост тамбовского губернского предводителя дворянства, и Екатериной II был пожалован в статские советники. Кстати, в 1780-е гг. Тамбовская губерния входила в состав Владимирского наместничества и административно была достаточно тесным образом связана с Владимирской губернией. После выхода в отставку Лотарев уже более не служил. Он скончался в 1816 г.¹⁶

Павел Михайлович Лотарев был женат на Александре Петровне Молвяниновой, последней представительнице когда-то весьма разветвленного и заметного в отечественной истории рода. Так как через Лотаревых и князя Вяземские породнились с Молвяниновыми, и все потомки князя Георгия Александровича Вяземского одновременно являются потомками Молвяниновых по женской линии (дети князя Георгия — правнуки подлоручика Петра Ивановича Молвянинова), то на истории этого рода стоит остановиться подробнее. Молвяниновы, как старинный суздальский дворянский род, самым непосредственным образом связаны с историей всего Владимирского края и Ковровского — в том числе. Так, воевода Тимофей Петрович Молвянинов в 1567 г. в качестве послуха-свидетеля и поручителя подписал данную грамоту

князя Ивана Семеновича Коврова, по которой село Рождественское (будущий Ковров) почти на два столетия передавалось Суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю¹⁷.

Молвяниновы были крупными землевладельцами, в том числе в пределах позднейшего Ковровского уезда. Еще в 1628 г. селом Ряполовым — в прошлом центром одного из уделов Стародубского княжества, владел Афанасий Матвеевич Молвянинов — предок жены князя Георгия Вяземского Прасковьи Павловны Лотаревой в VIII колене. Афанасий Молвянинов прожил долгий век. Он начинал служить еще сыну Иоанна Грозного царю Федору Иоанновичу, потом уцелел в пору Великой Смуты, воевал с поляками, захватившими в 1608-1609 гг. почти всю территорию будущей Владимирской губернии. При первом царе из династии Романовых Афанасий Молвянинов служил воеводой в Лухе и Великих Луках. Скончался он в начале 1630-х гг. Его внук Василий Леонтьевич Молвянинов служил стряпчим в Москве, а правнук Степан Васильевич в 1690-е гг. в качестве «дворянина московского» состоял при дворе царя Петра I. Сын С. В. Молвянинова Иван Степанович участвовал в петровских походах против турок и шведов, в отставку вышел в скромном чине капрала и жил в сельце Малинино Владимирского уезда.

Своего отпрыска Петра — последнего в фамилии Молвяниновых, он записал в лейб-гвардии Преображенский полк и женил на девице из старинного рода Хметевских — того самого, с которым породнились и князья Вяземские. Петр Иванович Молвянинов некоторое время пожил в Петербурге и поносил роскошный гвардейский мундир, но чина офицера лейб-гвардии так и не получил. Отставным армейским подпоручиком Петр Молвянинов вернулся домой и жительствовавал в своем суздальском имении — в селе Бородино. Это, конечно, не то знаменитое Бородино, у которого в 1812 г. русская армия дала генеральное сражение императору французов Наполеону Бонапарту. Суздальское Бородино существует и по сию пору — близ дороги из Суздаля в Гаврилов Посад. Сегодня оно в Ивановской области. Там располагается колония для малолетних. До устройства подобного учреждения во Владимирской области в судогодском селе Ликино Бородинская колония «обслуживала» и нашу область. От старой барской усадьбы в Бородино сегодня ничего не осталось. О минувших веках напоминает лишь немалых размеров сельский храм, который теперь пытаются восстановить.

У подпоручика Петра Ивановича Молвянинова от брака с Екатериной Ивановной Хметевской известна единственная дочь Александра Петровна Молвянинова, родившаяся в 1756 г. Принято считать, что род Молвяниновых пресекался в XVIII столетии. Александра Молвянинова «захватила» и XIX век: она скончалась в 1808 г. в возрасте 52-х лет. От брака со статским советником П. М. Лотаревым у нее было три дочери: Прасковья Павловна

замужем за князем Георгием Александровичем Вяземским; Екатерина Павловна — за гвардии поручиком Бутурлиным; Александра Павловна — за гвардии прапорщиком Алексеем Веневитиновым. Вступив в брак с Прасковьей Лотаревой, князь Георгий Вяземский в приданое за женой получил значительную часть молвяниновских и лотаревских имений во Владимирской и Тамбовской губерниях. Так, в Ковровском уезде Вяземским теперь принадлежали, помимо сельца Каменово, деревни Крапивново, Сидорино и Яманово.

Якиманская трагедия

Оставшись вдовой после кончины Г. А. Вяземского, княгиня Прасковья Павловна Вяземская стала госпожой своих и мужниных имений, в которых насчитывалось более 800 душ крестьян. В малолетство детей она фактически единолично управляла всей обширной вотчиной Вяземских. Жила княгиня в селе Якиманское Суздальского уезда, где раньше пребывала вместе с мужем. В этом же селе старая княгиня Вяземская трагически закончила свое бытие. Здесь она 24 июня 1840 г. была убита своим дворовым человеком Александром Захаровым. В Государственном архиве Владимирской области сохранились интересные материалы, рассказывающие о том чрезвычайном происшествии. Свидетелем его стал юрьевский купеческий сын Михаил Петрович Курбатов, который накануне трагедии приехал к княгине для того, чтобы арендовать у нее большой фруктовый сад, находившийся при барском доме. Договориться о сделке Курбатову сразу не удалось — слишком поздно он приехал в Якиманское, когда княгиня Вяземская уже легла спать. Поэтому он был вынужден провести ночь в своей телеге, чтобы наутро решить все деловые вопросы. Раню утром 23 июня хозяйке усадьбы доложили о приезде купеческого сына, и она в 10 часов позвала его к себе. Долго торговаться им не пришлось: получив в задаток 100 рублей, княгиня вышла в сад, попросив Курбатова немного подождать в господском доме.

Более часа он дождался ее, но княгиня Прасковья Павловна все не возвращалась. Ожидание постепенно переросло в волнение, и Михаил, чтобы скорее заприметить княгиню, подошел к окну, выходившему в сад, и стал пристально всматриваться в зеленую гущу деревьев. Вдруг позади себя он услышал какой-то шум, и, обернувшись, увидел хозяйку усадьбы. Она стояла у входа в гостиную, тяжело дыша и схватившись за живот. Руки и платье у нее были в крови. Прерывая дыхание, княгиня Вяземская чуть слышно произнесла, что в саду ее ударил в живот ножом дворовый Александр, при этом фамилию его она не назвала. К этому времени в дом прибежала толпа дворовых и, причитая и охая, подхватила княгиню за руки и отвела ее в другую

комнату. Там крестьяне, уложив хозяйку в постель, стали оказывать ей помощь, пытаясь остановить сильное кровотечение из раны. Для этого они туго перетянули рану платками, смоченными в уксусе.

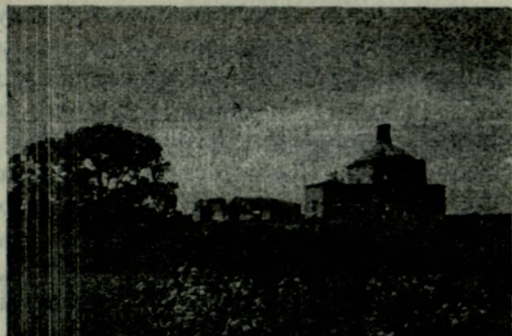
Через некоторое время княгиня Вяземская позвала к себе в комнату Михаила Курбатова, и здесь она более подробно рассказала о случившемся. Оказалось, что, пройдя по саду с дворовым и горничной девушкой, она их отпустила и прошла дальше посмотреть лес, сложенный на задворках усадьбы. Там она неожиданно встретила того самого дворового Александра. Спросив у него, куда он идет, она получила от него удар в живот, а сам нападавший побежал. Не почувствовав сначала силу удара и не поняв, что случилось, помещица немедленно приказала его схватить, что и было сделано. Однако рана оказалось настолько опасной, что через несколько часов княгиня уже была в очень серьезном положении.

На следующий день в Якиманское для расследования происшествия прибыли пристав 1-го стана Суздальского уезда Федор Игнатьевич Стодольский и уездный предводитель дворянства Алексей Михайлович Ртищев. Они допросили Александра Захарова, а именно так звали убийцу, который и поведал им о случившемся. От роду ему было 24 года, родители его, дворовые князя Александра Егоровича Вяземского, жили в селе Коверино Владимирского уезда и скончались, когда Александр был еще ребенком. С четырех лет он находился в приемных у крестьянина деревни Макариха, а восемь лет назад был взят княгиней Прасковьей Павловной ко двору. Вскоре после этого княгиня решила Александра обучить мастерству и отдала его на учебу в Москву к немцу, каретному мастеру. Там он пробыл пять лет, и возвратился к хозяйке умельцем-шорником. Прошло всего лишь два года, и за это время у дворового накопилось на княгиню «сильное озлобление». Причина состояла, по словам Александра Захарова, в жестоком ее обращении. На допросе он поведал, что княгиня держала его впроголодь, и дворовый вынужден был просить милостыню в соседнем селе Барское Городище. Неоднократно она запирала его в особой комнате в барском доме, называемой рогожками. Там княгиня собственноручно била Александра за то, что осмеливался просить кожу и гвозди для починки барских дрожжек. Когда он уходил на заработки в Москву, хозяйка брала с него слишком высокий оброк, и вдобавок на месяц вперед. Мысль умертвить княгиню зародилась у Александра Захарова давно. Для этого при себе он всегда носил острый нож, сделанный им для разрезания кож. Нож, имевший длину в четверть (17,77 см), а ширину у основания в три пальца, как нельзя лучше, по разумению дворового, подходил для расправы над обидчицей. Сейчас трудно судить, правду или нет говорил на допросе Александр об отношении к нему хозяйки. Возможно, что многолетняя жизнь в столице избаловала дворового,

и ему очень уж не хотелось возвращаться к сельскому труду. При этом княгиня в господском доме зачастую заставляла выполнять ту работу, которую он считал зазорной для себя.

Накануне преступления Александр только что 18 июня возвратился с заработков из Москвы. Владелица усадьбы приказала ему в течение нескольких дней разобрать лес и перенести его из одного сарая в другой. Это стало еще одним поводом для совершения преступления. Долго Александр ждал удобного случая, чтобы можно было бы расправиться с княгиней. В комнаты к ней он пройти не мог, так как при ней всегда находились дворовые. И вот, 23 июня он увидел свою хозяйку в саду и стал ждать подходящего момента, спрятав нож в правом рукаве. Дальнейшие показания Александра Захарова подтверждают слова княгини Вяземской. Когда она подошла к нему и спросила, что он делает, он ответил: «Вот что!» — и ударил ее в живот ножом, оставив клинок в теле. Пытаясь скрыться, убийца побежал мимо господских конюшен, улицей в прогон и спрятался под мостом у крайнего крестьянского дома. Там Александра и нашли. Связав ему руки и ноги, дворовые отнесли его в конюшни, где он и находился до прибытия пристава. Такова развязка событий, случившихся в селе Якиманское 23 июня 1840 г.

Ночью 24 июня по просьбе княгини Вяземской из Владимира в Якиманское прибыл медик-хирург Барсов. Осмотрев больную, он увидел повыше пупка рану длиною на три поперечных пальца, края раны были зашиты нитками, и вокруг нее образовался большой кровоподтек с синевой. Княгиня находилась в плачевном состоянии. Она испытывала нестерпимую боль при прикосновении к животу и при дыхании. Временами появлялся бред, пульс был ускоренный, постоянная сухость во рту и сильная жажда сопровождалась резкими болями в области мочевого пузыря. Чтобы как-то смягчить боль, врач положил новую повязку на рану и дал княгине лекарства. В восемь часов утра 24 июня Барсов приставил пиявки к соседним с раной местам. После этого больная почувствовала улучшение. Но в окончательном благополучном исходе врач сильно сомневался — появились подозрения на гангрену. Неожиданно для всех в 10 часов у княгини началась сильная рвота зеленого цвета. Это показалось врачу подозрительным, и часть содержимого была отправлена во Владимир на химический анализ. Мучения княгини Вяземской продолжались до восьми часов вечера, когда она в беспамятстве скончалась. Тогда же присутствующим врачом было проведено анатомическое обследование тела. Выяснилось, что рану сшили суровыми нитками не по правилам медицины. Отсюда и началось стремительное нагноение раны. За короткое время корпус тела почившей сильно раздулся, поверхность его почти вся покрылась темно-багровыми пятнами, через нос и рот выделялась сукровичная влага. От всего тела исходил сильный гниющий запах.

*Никольский храм села Якиманское
под Суздалем – место упокоения
княгини Прасковьи Павловны Вяземской.
Фото 2001 г.*

Вследствие этого вскрытие тела сочли возможным не производить. Погребена была княгиня Вяземская у Никольского храма села Якиманское, недалеко от своей усадьбы. Что же касается дальнейшей судьбы дворового Александра Захарова, то он был лишен всех прав сослания, и на месте преступления в селе Якиманское 50 раз бит кнутами. После этого убийца с указными клеймами на лбу и щеках был сослан на вечную каторгу в Сибирь¹⁸.

Незаметное поколение

У князя Георгия Александровича и княгини Прасковьи Павловны Вяземских известны трое детей: дочь Ольга, сыновья Александр и Дмитрий. Старшей была княжна Ольга Георгиевна Вяземская, родившаяся еще в 1800 г. В грозном 1812 г. она жила в родительском доме в Якиманском, но дальнейшая ее судьба пока неизвестна. То ли рано ушла она из этой жизни, то ли рано вышла замуж, но, так или иначе, покинула Якиманское и свою семью¹⁹. Вообще, это следующее поколение семейства Вяземских жило в то время, когда зачастую нарушались вековые связи старинных родов со своими вотчинами. Во всяком случае, изменение уклада жизни уже намечалось. В течение одного поколения патриархальные, героические времена Александра I, обещавшего после зловещей мартовской ночи, вознесший его на трон, что при нем все будет «как при бабушке», постепенно сменились порой реформ Александра II — с бесповоротным крушением крепостнических устоев и закатом дворянских усадеб старой России.

О братьях Георгиевичах Вяземских известно на удивление немного. Кто-то бесцветно прожили они свой век, не достигнув каких-либо высот и отличий ни на одном поприще. Старший брат, князь Александр Георгиевич Вяземский, родился в 1807 г. и получил имя в честь деда — князя Александра Ивановича Вяземского. Не нарушая традиций рода, князь Александр-младший в молодости отдал дань военной службе, но оставался в строю недолго. Состоя по кавалерии, он достиг на действительной службе чина поручика, после чего вышел в отставку с награждением следующим чином штабс-ротмистра.

В 1862 г., после отмены крепостного права, князь заключил выкупную сделку с крестьянами ковровских деревень Каменово, Крапивново, Сидорино и Яманово. Обществу трех последних деревень он в 1872 г. фактически продал 176 десятин земли за 5466 рублей. Часть земли и угодий так и остались за князем. По-видимому, князь Александр Георгиевич Вяземский женат не был. После его кончины где-то в последней четверти XIX века, остатки княжеских имений перешли в собственность и под управление Владимирского губернского дворянского депутатского собрания. Остаток жизни князь Александр провел в Суздальском уезде, возможно, в том же Якиманском, где была убита его мать. Прах А. Г. Вяземского погребен при Троицком храме села Барское Городище Суздальского уезда. Это село и сейчас расположено вблизи от Якиманского. До наших дней могила князя Вяземского не сохранилась²⁰.

Младший брат Александра, князь Дмитрий Георгиевич Вяземский, родился после 1812 г., скорее всего, в середине 1810-х гг. Подобно старшему брату, он также служил в кавалерии, причем в гвардейской (возможно, в лейб-гвардии Гусарском полку) и к 1848 г. вышел в отставку в чине лейб-гвардии штабс-ротмистра. Еще в 1827 г. он разделил отцовские имения со старшим братом. В 1848 г. князь Дмитрий в своем имении пустоши Горбунихе в 15-ти верстах от Судогды вблизи села Картмазово основал Горбунихинский стеклозавод для изготовления листового стекла и мелочной стеклянной посуды. Этот завод действовал и в конце XIX столетия. Под названием Горбуновский стеклянно-бутылочный завод он принадлежал тогда судогодскому кушцу

Ивану Павловичу Комиссарову, представителю известной династии промышленников. Оценочная стоимость завода в то время составляла 11400 рублей²¹. Сейчас это промышленное заведение уже не существует. В тот же год, когда князь Дмитрий Георгиевич основал в Судогодском уезде стеклянный завод, он был избран

Троицкий храм села Барское Городище.

Фото 2001 г.

усманским уездным предводителем дворянства — по имению матери и деда П. М. Лотарева. Однако, ранняя кончина — около 1850 г. — не позволила в полной мере развиться талантам Д. Г. Вяземского. Он был женат, но имя его супруги нам пока, к сожалению, неизвестно²².

Подобающий титулу блеск

Владимирская линия князей Вяземских продолжилась в детях князя Дмитрия Егоровича Вяземского. У него известны сын Леонид и дочери Лидия и Екатерина. О княжнах известно очень немного. Лидия Дмитриевна Вяземская, кажется, так и осталась в девицах. В 1870 г. вместе с братом княжна Лидия предоставила крестьянам села Картмазово Судогодского уезда 68 десятин земли за 833 рубля. Ее сестра Екатерина была жива еще в 1909 г. и состояла в браке с неким генерал-майором Даркиным²³.

Гораздо более известен их брат князь Леонид Дмитриевич Вяземский. Он родился в 1848-м — в том самом году, когда его отец основал производство стекла в судогодских лесах, одновременно предводительствуя в Усманском уезде Тамбовской губернии. Образование Леонид Вяземский получил в Императорском Александровском лицее, славном своими традициями. Среди его выпускников были А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, А. М. Горчаков, многие другие выдающиеся деятели на различных поприщах служения России. Подобно отцу и дяде, Леонид затем поступил на службу в кавалерию. И не просто в кавалерию, а в лейб-гвардии Гусарский полк, считавшийся одним из самых роскошных и разорительных во всей русской императорской армии. Как вспоминал граф Алексей Алексеевич Игнатьев, производство в лейб-гусарах было головокружительным, потому что мало кто из офицеров оказывался способным продержаться там сколько-нибудь продолжительное время. Традиции полка требовали от господ офицеров огромных трат на различные праздники, банкеты и кутежи. Вести экономный образ жизни считалось несовместимым с честью мундира, поэтому большинства дворянских состояний хватало лишь на несколько лет подобной гвардейской службы. Вряд ли и князю Леониду Вяземскому в полной мере хватало доходов от родительских имений во Владимирской и Тамбовской губерниях, хотя он, конечно же, был человеком далеко не бедным.

Мундир корнета лейб-гвардии Гусарского полка князь Леонид одел в 1867 г. Блестящие успехи в службе в сочетании с громкой фамилией и титулом делали его сиятельство своим в самых высших светских кругах Петербурга. В 1875 г. штабе-ротмистр князь Вяземский был назначен флигель-адъютантом к императору и на следующий год сопровождал государя в его поездке в Варшаву и Крым, а в 1877 г. — в Кишинев. В воздухе уже пахло порохом —

предстояло с оружием в руках решать пресловутый Балканский вопрос. В 1877 г. началась война с Османской империей. В чине полковника князь Леонид Дмитриевич состоял тогда адъютантом великого князя Николая Николаевича Старшего — третьего сына Николая I и младшего брата царствовавшего тогда императора Александра II. Великий князь Николай Николаевич был назначен главнокомандующим русской армии, но Вяземский не стал отсиживаться в адъютантах. Он добился своего назначения командиром бригады, сформированной из болгарских добровольцев. Командуя этой частью, князь Леонид Дмитриевич отличился в тяжелейших боях на Шипке, когда атаки превосходящих турок многократно отбивались частями русской армии и болгарскими ополченцами. Шесть дней продолжались бои на Шипке. Как бы тяжело ни было, но ее защитники не сдавались. Расстреляв все патроны, русские и болгары брались за камни и приклады, но не отступили.

В марте нынешнего 2003 г. как раз торжественно отмечалось 125-летие знаменитого «сидения на Шипке». Принявший участие в праздновании президент России В. В. Путин возложил венки в память подвига наших предков во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Это была дань уважения десяткам и сотням тысяч россиян, отдавших свои жизни, проливших свою кровь за освобождение братской Болгарии, среди которых находился и Леонид Вяземский. На Шипке он дважды был ранен, но вскоре вновь вернулся в строй. За отвагу во время шипкинских боев князь получил в награду золотую саблю с надписью «За храбрость». В составе отряда знаменитого «Белого генерала» Михаила Дмитриевича Скобелева князь Вяземский участвовал в боях с турками под Шейновом и Гатаком. За Шейново князь Леонид Дмитриевич получил орден св. Владимира IV ст. с мечами и бантом. Окончил же войну полковник Вяземский кавалером нескольких боевых орденов²⁴.

В начале 1880-х гг. Леонид Вяземский, будучи уже генерал-майором от кавалерии, вышел в отставку. Уход из армии, вероятно, напрямую связан с женитьбой. Князь смолоду приобрел репутацию светского льва Петербурга, где его внимания добивались дамы из самых высших сфер. Например, дочь тогдашнего военного министра и будущего графа, друга Александра II Дмитрия Алексеевича Милютина — Елизавета. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев так вспоминал об этом в своих мемуарах: «Из молодых да ранняя процвела при дворе Елизавета Дмитриевна Милютина, дочь всеильного военного министра Дмитрия Алексеевича. Со стороны отца этот шаг был благовременный. Дочь его проникала в сокровенное средоточие всего движения вокруг Императрицы Марии Александровны. Она скоро заняла не последнее место и деятельно прикасалась к политическим нитям с весьма определенными оттенками преобладающего в то время влияния. Она была

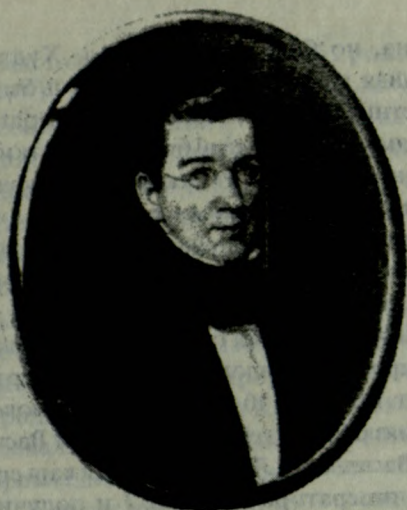

*Княгиня Мария Владимировна
Вяземская, урожденная
графиня Левашова*

дурна, но бойка и сметлива: Худая, бледная, востроносая, она не прочь была кокетничать и имела влюбчивое сердце. Предметом ее [чувств] был С. П. Боткин, позднее Кн. Л. Д. Вяземский, сильно увлекавшийся тогдашними течениями...»²⁵ Так или иначе, князь Леонид Дмитриевич нашел себе супругу из высших придворных аристократических кругов.

Его избранница графиня Мария Владимировна Левашова родилась 17 марта 1859 г. и была на 10 с половиной лет моложе князя. Ее дед генерал-лейтенант Василий Васильевич Левашов сделал карьеру при императоре Николае I и получил графский титул. В составе Кавалергардского полка В. В. Левашов участвовал во всех войнах с Наполеоном от Аустерлицкой битвы до взятия Парижа. За Прейсиш-Эйлау он получил золотое оружие, за Бородино, где временно командовал Кавалергардским полком — орденом св. Георгия IV ст., а за Арси — золотое

оружие с алмазами. В знаменитой «битве народов» под Лейпцигом дед княгини М. В. Вяземской, будучи генерал-майором, получил две раны — пулевую в грудь и сабельную в руку. В 1815 г. Василий Васильевич был назначен командиром лейб-гвардии Гусарского полка. Через десять лет Николай I назначил его членом следственной комиссии по делу декабристов. Будучи киевским военным губернатором и генерал-губернатором подольским и воыньским, Левашов в 1833 г. был возведен в графское достоинство. Позднее граф Левашов состоял членом Государственного Совета и председателем Департамента экономии²⁶. Сын его и отец княгини Вяземской Владимир Васильевич Левашов выбрал военную карьеру и дослужился до генерала от артиллерии. Он был женат на графине Ольге Викторовне Паниной, представительнице одного из богатейших русских родов, дочери министра юстиции при Николае I графа Виктора Никитича Панина, человека «более европейского, чем русского» образования. Кстати, Левашовым принадлежало, помимо прочих имений, село Горки Ковровского уезда, а Паниным — слобода Мстера. По-видимому, именно женитьба на графине Левашовой окончательно упрочила положение князя Вяземского в прид-

*Граф Виктор Никитич Панин -
дед княгини М.В. Вяземской*

ворных аристократических кругах. Породнившись с сановниками, получив огромное приданое, князь Леонид Дмитриевич вернулся в тот круг, где по происхождению ему и надлежало быть. Так путем карьеры и удачного брака потомок затерявшихся, было, в провинции Вяземских придал громкому родовому титулу подобающий ему блеск.

Распростившись с военной службой, князь Леонид Дмитриевич Вяземский вместе с супругой поселился в родовом имении Усманского уезда Тамбовской губернии. В своих же владимирских, суздальских или ковровских вотчинах обосноваться не решился. То ли местные усадьбы уже были полностью нарушены и пришли в упадок, то ли более теплый климат

окрестностей города Усмани показался привлекательнее. Появившиеся в еще от Лотаревых доставшемся дворянском гнезде князь-генерал с молодой женой-графиней, конечно, не могли не занять первенствующего положения в местном обществе. В 1884 г. князь Леонид Дмитриевич был избран усманским уездным предводителем дворянства — на пост, который прежде занимали его отец Д. Г. Вяземский и прадед П. М. Лотарев. Предводительствовал князь Леонид Дмитриевич до 1888 г., когда император Александр III назначил его астраханским губернатором. Одновременно по губернской должности князь стал наказным атаманом Астраханского казачьего войска. Впрочем, губернаторство в Астрахани его сиятельства продолжалось недолго. Уже в 1890 г. князь получил назначение на должность начальника Главного управления уделов и вскоре в 1896 г. был произведен в генерал-лейтенанты по кавалерии. Этот пост в системе Министерства Императорского двора и уделов, по сути, представлял собой место товарища, или по-нынешнему говоря, заместителя министра. Вяземский стал главным управляющим разбросанных по всей империи многочисленных имений царской фамилии. К примеру, только в Ковровском уезде к числу удельных владений относились целых две волости — Всегодическая и Егорьевская. Интересно отметить, что министром Императорского двора и уделов тогда был граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Со временем чисто служебные, деловые отно-

шения министра и его заместителя переросли в родственные. В 1910-х гг. два сына князя Леонида Дмитриевича Вяземского Борис и Владимир женились на внучках графа Воронцова-Дашкова.

В 1896 г. новый император Николай II пожаловал князя Вяземского членом Государственного Совета с оставлением и в предыдущей должности. Эти посты Леонид Дмитриевич занимал до конца своей жизни. При последнем российском царе он явно не был в фаворе. Вероятно, вследствие установившейся за князем еще с 1860-х гг. репутации либерала. Особенно широко распространилась молва о происшествии 4 марта 1901 г. в Петербурге, когда студенты устроили демонстрацию на площади у Казанского собора. Полиция стала аресто-

*Граф Василий Васильевич Левашов
- дед княгини М.В. Вяземской*

вывать и избивать демонстрантов, а случайно оказавшийся на месте событий Л. Д. Вяземский пытался предотвратить расправу и защитить студентов. Известный книгоиздатель и общественный деятель Михаил Васильевич Сабашников так вспоминал об этом случае: «В марте 1901 г. по высшим учебным заведениям прошли студенческие волнения, разразившиеся в Петербурге избиением студентов у Казанского собора. Этот скандал произошел в самое бойкое время и на самом бойком месте столицы. Рассказывали, что проезжавшие сановники и влиятельные люди оказались не только свидетелями столкновения, но даже были втянуты в водоворот, что управляющий Уделами князь Вяземский [Леонид Дмитриевич] спас будто бы студента из рук избивавших его дворников...»²⁷

За такие действия князь получил выговор от Николая II. Так или иначе, после этого карьера Л. Д. Вяземского дальше не пошла. В 1906 г. он был произведен в генералы от кавалерии, а через три года 23 ноября 1909 г. князь скончался в возрасте 61-го года в швейцарском городе Лозанне. Вдова Леонида Дмитриевича княгиня Мария Владимировна Вяземская пережила мужа почти на 29 лет. Она уцелела в огне войн и революций, перенесла гибель двух старших сыновей и умерла в эмиграции в так называемом Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа во Франции под Парижем 7 октября 1938 г.

Похоронили 79-летнюю старушку-княгиню, лишившуюся всех своих былых богатств, там же — на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа²⁸.

Жертвы великого года

У князя Л. Д. Вяземского от брака с графиней М. В. Левашовой известны три сына и дочь: князья Борис, Дмитрий, Владимир и княжна Лидия. Старший из братьев князь Борис Леонидович Вяземский родился в 1883 г. Хотя он, в конце концов, и был пожалован в звание камер-юнкера высочайшего двора, но служил, подобно ближайшим поколениям предков по отцу, в Усманском уезде Тамбовской губернии. Вначале как местный помещик он избирался гласным Тамбовского губернского земского собрания. Потом князь продолжил службу земским начальником в чине титулярного советника, а 25 января 1912 г. был избран — в свой черед — усманским уездным предводителем дворянства, четвертым по счету и последним в своей семье. В том же 1912 г. князь Борис женился. После того, как отец возобновил традицию брачных союзов с аристократическими родами, молодой князь сделал более чем достойную партию. Его супругой стала графиня Елизавета Дмитриевна Шереметева, дочь флигель-адъютанта императора Николая II полковника Кавалергардского полка графа Дмитрия Сергеевича Шереметева (28.5.1869, г. Москва-25.11.1943, г. Рим), правнука легендарной Прасковьи Ковалевой-Жемчуговой и фрейлины Ирины Илларионовны Воронцовой-Дашковой (2.12.1872, г. Петербург-3.1.1959, г. Рим) — дочери наместника Кавказа графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова²⁹.

Выдающийся государственный деятель граф И. И. Воронцов-Дашков был хорошо известен в России. Почти 60 лет он отдал государственной службе, занимая различные военные и гражданские должности. В свое время он состоял адъютантом цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III), участвовал в Кавказских и русско-турецкой войнах, командовал лейб-гвардии Гусарским полком, состоял начальником царской охраны в Гатчине. В 1881 г. граф Илларион Иванович был назначен министром Императорского

*Граф Илларион Иванович
Воронцов-Дашков — дед княгини
Елизаветы Дмитриевны и
Софьи Ивановны Вяземских*

двора и уделов и главнокомандующим Государственным Конезаводством, а в 1897 г. — членом Государственного совета и Комитета министров. С 1905 г. его служба проходила на Кавказе — по указу императора Николая II он был назначен наместником Кавказа и главнокомандующим войсками на Кавказе.

Свадьба внучки графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова Елизаветы Шереметевой и князя Бориса Вяземского состоялась в Петербурге, и на ней присутствовал весь свет столичной знати. Великий князь Николай Михайлович 27 сентября 1912 г. писал из Боржома своему венценосному племяннику Николаю II: «Я был в Тифлисе, чтобы представиться Наместнику, провел там сутки и много с ним беседовал. Головой он замечательно свеж и работоспособен, но физически опустился и стал дряхлым старцем. Во взглядах мы с ним не сходимся, что не мешает быть и с ним, и с задорной графиней в наилучших отношениях. Сегодня они едут в Петербург на свадьбу внучки за князя Вяземского № 3. *C'est pourquoi trop de fleurs** и старый граф ворчит на такое изобилие рода Вяземских в качестве мужей внучке, но она в восторге»³⁰.

Однако, несмотря на видимые признаки благополучия и успеха в обществе, Бог не дал продолжительного счастья чете Вяземских. 27 августа 1917 г. 34-летний князь Борис Леонидович Вяземский был убит во время волнений на станции Грязь. 7 октября 1917 г. сестра уже отрекшегося к тому времени Николая II великая княгиня Ксения Александровна писала старому графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву, известному историку и дедушке княгине Елизаветы Дмитриевны Вяземской: «... От всей души желаю Вам и графине здоровья и очень огорчаюсь, что она больна. Какое горе и какой ужас — убийство бедного Бориса Вяземского. Бедная Лили, сердце обливается кровью при мысли о ней», — имея в виду молодую вдову княгиню Елизавету Дмитриевну³¹. У супружеской четы Вяземских было два сына, но судьба их нам неизвестна.

Не менее трагичной оказалась судьба второго по старшинству брата князя Дмитрия Леонидовича Вяземского. Он был годом младше Бориса и родился в 1884 г. В отличие от брата, Дмитрий подвизался не в Тамбовской губернии, а в Петербурге. Как и брат, князь Дмитрий Леонидович был пожалован в камер-юнкеры. В столице он стал членом одной из масонских лож. В 1914-1915 гг. князь воевал на германском фронте, в одной из схваток весной 1915 г. получил тяжелое ранение и долгое время лечился в госпиталях. После выздоровления князь Дмитрий Вяземский был избран гласным Петроградской городской думы и назначен уполномоченным Красного Креста. Осенью 1916 г. князь вошел в состав группы заговорщиков-масонов А. И. Гучкова, Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко и генерала А. М. Крымова. Эти

* И потому так много цвета общества (франц.)

заговорщики пытались совершить дворцовый переворот, свергнуть как неспособного к правлению Николая II и заменить его цесаревичем Алексеем при регентстве кого-либо из великих князей. А тем самым — сохранить Российскую империю. Заговор А. И. Гучкова был не единственным в то время, вынашивались и другие планы. Но к весне 1917 г. ему удалось продвинуться дальше всех. Однако осуществить свой замысел заговорщики не успели.

Грянула Февральская революция, которая и погубила князя Дмитрия Вяземского. 2 марта 1917 г., когда революция уже, по сути, победила, он погиб на 33-м году жизни — был убит в Петрограде во время солдатского бунта, можно сказать, случайной пулей. Об этом происшествии вкратце упоминается не в одних мемуарах того времени. Так, Г. М. Катков записал о тех событиях: «Дело, затеянное Гучковым, было нелегким, да и не безопасным. Ближайший помощник его, князь Вяземский, убит был прямо рядом с ним в автомобиле при объезде более чем сомнительных отрядов, которые должны были обеспечить защиту революционной столицы от любых войск, присланных для подавления восстания»³².

Генерал Антон Иванович Деникин, позже главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, вспоминал о гибели князя: «Временами среди войсковых частей вспыхивало вновь сильное брожение, иногда форменный военный бунт. Члены Думы разъезжали по казармам успокаивать войска. Попытка Гучкова совместно с ген. Поталовым и князем Вяземским водворить порядок в Измайловском полку завершилась печально: измайловцы и петроградцы открыли огонь, кн. Вяземский был смертельно ранен, а спутники его пробилась с большим трудом»³³. Стоит отметить, что обстоятельства, при которых погиб молодой князь Дмитрий Леонидович, так и остались невыясненными. У князя была дочь Александра, которой к тому времени не исполнилось еще и двух лет. Она родилась 20 мая 1915 г. в Петрограде, вместе с родственниками оказалась в эмиграции, жила во Франции. Там она вышла замуж. Ее супруг Пьер Донзо (1895-1976) был полковником французской армии. Скончалась мадам Александра Донзо —

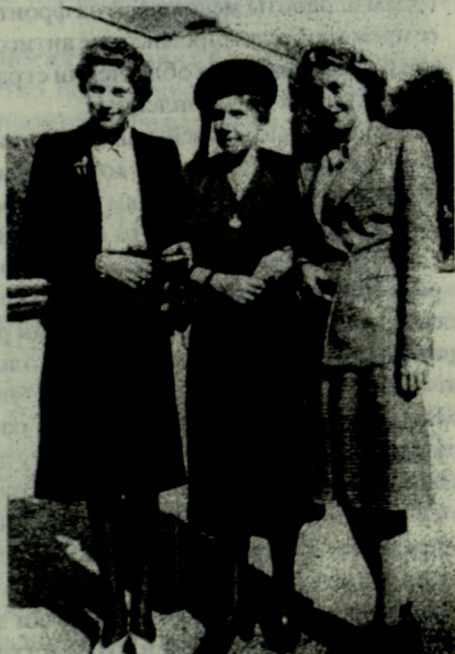

*Князь Дмитрий
Леонидович Вяземский.
Фото 1915 г.
из журнала «Заря»*

княжна Александра Дмитриевна Вяземская 19 марта 1992 г. и похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа³⁴.

Маннергейм сказал «да»

Следующим по старшинству ребенком в семье князя Леонида Дмитриевича Вяземского была дочь, княжна Лидия Леонидовна Вяземская. Она родилась 10 июня 1886 г. и была окрещена в память о тетке княжне Лидии Дмитриевне Вяземской. В начале 1910-х гг. княжна Лидия-младшая вышла замуж за князя Иллариона Сергеевича Васильчикова, связав род Вяземских с еще одной аристократической фамилией. Во время Первой мировой войны княгиня Васильчикова служила медсестрой в госпиталях, а весной 1919 г. эмигрировала вместе с мужем. Они жили в Германии, Франции, а потом — в Литве. Когда же эта прибалтийская республика была присоединена к СССР, чета Васильчиковых в 1940 г. переехала вновь в Германию, где уже обосновались их дочери Татьяна и Мария. Там у Васильчиковых и Вяземских имелось много родственников и знакомых среди немецкой и австрийской аристократии. Во время Второй мировой войны княгиня Л. Л. Васильчикова потратила много сил, организуя доставку гуманитарной помощи русским (советским) военнопленным. Одна из дочерей Лидии Леонидовны княжна Мария Илларионовна Васильчикова в 1940-1945 гг. вела подробные дневниковые записи. Позже они были изданы с названием «Берлинский дневник» и считаются ценным образцом мемуарной литературы XX столетия. Княжна подробно рассказала о работе своей матери в самом сердце гитлеровской Германии: «Мама всегда была яркой антикоммунисткой — что неудивительно, если принять во внимание, что двое ее братьев погибли в самом начале революции.

Княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова, урожденная княжна Вяземская (в центре), с дочерьми Марией (справа) и Татьяной (слева)

Она придерживалась этой несгибаемой позиции двадцать лет, и дело дошло до того, что даже Гитлер виделся ей в благоприятном свете, согласно принципу «враги моих врагов — мои друзья». Когда она приехала в Берлин на свадьбу Татьяны [ее дочери] в сентябре 1941 года, она еще надеялась, что немецкое вторжение в Россию приведет к массовому народному восстанию против коммунистической системы; после чего с немцами, в свою очередь, разделается возрожденная Россия. Так как она не жила в Германии сколько-нибудь длительное время при нацистах, ее было нелегко убедить, что Гитлер — не меньший злодей, чем Сталин. Мы же с Татьяной, успевшие уже некоторое время прожить в Германии, были свидетелями гнусного сговора между Гитлером и Сталиным с целью уничтожения Польши и из первых рук знали о немецких зверствах в этой стране; поэтому у нас не было подобных иллюзий.

Но по мере того, как стало известно о тупой жестокости германской политики на оккупированных территориях СССР и множилось количество жертв как там, так и в лагерях русских военнопленных, любовь Мама к своей стране, усугубленная ее скрытой изначальной германофобией, восходящей к годам ее работы медсестрой на фронтах Первой мировой войны, пересилила ее прежние бескомпромиссные антисоветские чувства, и она решила принять посильное участие в облегчении страданий ее соотечественников, и прежде всего русских военнопленных.

С помощью друзей она связалась с соответствующими учреждениями германского Верховного командования; она также установила контакт с Международным Красным Крестом в Женеве через представителя этой организации в Берлине д-ра Марти. В отличие от дореволюционной России, Советское правительство отказалось от предложенной помощи Международного Красного Креста. Это означало, что русские пленные, будучи в глазах своего правительства изменниками родины, предоставлялись собственной судьбе — в большинстве случаев голодной смерти.

Мама обратилась и к своей тетушке, а моей крестной, графине Софье Владимировне Паниной, которая работала в Толстовском Фонде в Нью-Йорке. Кроме того, она втянула в эту деятельность двоих всемирно известных американских авиаинженеров русского происхождения: Сикорского и Северского, а также русские православные церкви Северной и Южной Америки. Вскоре была создана специальная организация для помощи пленным, которой удалось собрать столько продуктов, одеял, одежды, лекарств и т. п., что для перевозки этого груза понадобилось несколько кораблей. К тому времени США вступили в войну, так что все это пришлось закупать в нейтральной Аргентине. Суда уже готовы были выйти в долгий рейс через кишмякишающую немецкими подлодками Атлантику, как вдруг вся операция чуть было не сорвалась: дарители поставили одно лишь условие, а

именно: чтобы распределение помощи в лагерях проводилось под надзором Международного Красного Креста. Германские военные власти дали на это согласие. Оставалось последнее: получить личное разрешение Гитлера. Когда Мама в очередной раз навестили своего знакомого в Верховном командовании армии, он повел ее в близлежащий парк Тиргартен и там, вдали от любопытствующих ушей, сказал: «Мне стыдно в этом сознаться, но Фюрер сказал: «Нет! Никогда!» Однако Мама не сдалась: «Хорошо, тогда я напишу маршалу Маннергейму. Он-то не скажет «Нет!» Что она незамедлительно и сделала. Барон Маннергейм, освободивший Финляндию от красных в 1918 г. и командовавший ныне финской армией, в прошлом был российским офицером-кавалергардом и хорошо знал нашу семью. Благодаря его влиянию, финские войска (в отличие от германских) всегда воевали с Советами благородно; со взятыми ими пленными обращались в строгом соответствии с Женевской конвенцией, и в результате большинство их выжило. Почти сразу же Мама получила от Маннергейма сочувственный ответ, и суда с грузом помощи направились в Швецию, откуда груз был быстро доставлен, под наблюдением Международного Красного Креста, военнопленным финских лагерей»³⁵.

Несмотря на массированные бомбежки Берлина и других германских городов союзной авиацией, семейство Васильчиковых сумело выжить в военной мясорубке. Тем более, что опасность угрожала Васильчиковым и от режима Третьего рейха.

Заговорщица против Гитлера

Наверное, фрондирование было в крови у Вяземских и их потомков. Племянница князя-заговорщика Дмитрия Леонидовича Вяземского и дочь Лидии Леонидовны княжна Мария Илларионовна Васильчикова — автор цитированного выше дневника, в годы войны работала в информационном отделе Министерства иностранных дел Германии. Имея обширное родство среди немецкой аристократии, обладая безукоризненными манерами, имея неплохое образование, общительная и привлекательная, княжна завязала самые обширные знакомства. Преимущественно в более интеллигентных и оппозиционных по отношению к крайностям нацистского режима кругах. Ее друзьями стали видные представители немецкой оппозиции, начиная с военного коменданта Берлина генерал-лейтенанта фон Хазе и главы берлинской полиции графа фон Хельдорфа и кончая графом Вернером фон дер Шуленбургом, бывшим германским послом в Москве в 1934-1941 гг. Титулованная и старая дворянская германская, а тем более австрийская знать вообще откровенно недолюбливала выскочку Гитлера и бывшую часть его

*Княжна Мария Илларионовна
Васильчикова и посол граф Вернер
фон дер Шуленбург*

В какой-то степени ситуация напоминала ту, в которой заговорщиком был дядя Марии князь Дмитрий Вяземский. И как в России аристократический заговор провалился, так и в Третьем рейхе попытка свергнуть фюрера оказалась неудачной. 20 июля 1944 г. один из заговорщиков полковник фон Штауфенберг подложил бомбу в помещение штаб-квартиры Гитлера, а контролируемые повстанцами военные отряды попытались захватить Берлин, Париж и Вену. Но, несмотря на взрыв бомбы рядом с фюрером, тот оказался только контужен и чудом остался жив. Достигнутые первоначальные успехи сил повстанцев перечеркнуло известие, что Гитлер не погиб. Заговор провалился, и выступление было быстро подавлено. Большинство причастных к нему генералов, офицеров, дипломатов, чиновников и членов их семей попали в руки гестапо и после пыток были казнены. Княжна Мария Васильчикова находилась в большой опасности, но по счастью сумела избежать ареста. После окончания войны она вышла замуж за офицера американской армии. Скончалась внучка русского генерала и героя Шипки в августе

окружения, справедливо полагая, что бывший ефрейтор ведет страну к катастрофе. Кстати, фюрер платил соотечественникам голубых кровей той же монетой. Потомков князей, герцогов и графов, не говоря уже о принцах королевских домов, по негласному указанию фюрера затирали на службе, не пускали на фронт и не давали ответственных должностей — дабы их высочества не приобрели определенную популярность в стране. А некоторых, как, например, отпрысков древней австрийской императорской династии фон Габсбургов, и вовсе загоняли в лагерь. Неудивительно, что русская принцесса, а в Европе русский княжеский титул переводился и воспринимался именно так, Мария Васильчикова — по линии Вяземских прямой потомок русских великих князей, породнившихся со всей Европой, оказалась вовлеченной в круг высокопоставленных заговорщиков.

1978 г. в Лондоне — ровно через 100 лет после войны, где так отличился ее дед. Всего сто лет — почти одна человеческая жизнь, а каковы причудливые изгибы судеб! В 1878 г. именно Англия не дала русской армии окончательно разбить турок и вступить во «второй Рим» — Константинополь. А ровно век спустя внука лихого кавалериста, которому британцы не дали въехать на белом коне в былинный Цареград, пройдя невероятные кровавые перепетии революций и мировых войн, окончила земной путь в английской столице.

А вот мать Марии, Лидия Леонидовна Васильчикова, уцелев под бомбами и не попав в фашистские застенки, все-таки погибла трагически. 1 ноября 1948 г. она угодила в Париже под автомобиль. Похоронили урожденную княжну Вяземскую на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа³⁶.

Орден от Патриарха

Отдельного упоминания заслуживает супруг княжны Лидии Леонидовны Вяземской и отец княжны Марии князь Илларион Сергеевич Васильчиков. Он являлся потомком старинного дворянского рода, хотя княжеский титул получил только прадед И. С. Васильчикова. Из этой фамилии была одна из многочисленных жен царя Иоанна Грозного Анна Григорьевна Васильчикова (монахиня Дария) и фаворит Екатерины II в 1772-1774 гг. Александр Семенович Васильчиков. Князем стал сановник в царствование Николая I Илларион Васильевич Васильчиков. Сын последнего Александр был секундантом Михаила Юрьевича Лермонтова на роковой дуэли с Н. С. Мартыновым.

Отец супруга княжны Лидии Вяземской князь Сергей Илларионович Васильчиков в молодости состоял камер-пажом, а затем корнетом поступил на службу в лейб-гвардии Конный полк. В 1872 г. в возрасте 23-х лет он был назначен флигель-адъютантом к императору. Во время русско-турецкой войны князь Васильчиков командовал сводным гвардейским полускадром, составлявшим личный конвой государя. В 1885 г. Сергей Илларионович получил в командование 44-й Нижегородский драгунский полк. Летом 1886 г. по инициативе начальника Кавказской кавалерийской дивизии князя Амилахвари он вместе с 10 офицерами и 26 нижними чинами своего полка предпринял поездку верхом из Кисловодска в Сухум через Клухорский перевал, находящийся на невероятной высоте. До этого данный путь считался недоступным для кавалерии. Поездка продолжалась 25 дней, при чрезвычайно трудных условиях, через вершины, покрытые вечными снегами. Драгуны перешли семь горных хребтов. Во время пути им даже пришлось выдержать шестидневную голодовку. На докладе об этой поездке император Александр III начертал: «Полезно и интересно».

В ноябре 1890 г. князь Сергей Васильчиков был назначен командиром лейб-гвардии Гусарского полка. Но раньше, чем отправиться в Петербург, ему снова пришлось совершить зимой трудный форсированный марш через горы из Пятигорска в Ставрополь, на этот раз со всем своим полком. Перед драгунами стояла задача усмирить без помощи вооруженной силы население, взволнованное проведением врачебно-полицейских мер против чумы у скота. Дальнейшая военная служба князя Сергея Илларионовича Васильчикова была связана с Петербургом, причем с гвардией. В 1896 г. он был назначен командиром 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в 1899 г. в чине генерал-лейтенанта получил в командование 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Через три года князь Васильчиков стал командиром гвардейского корпуса и пожалован званием генерал-адъютанта. В

1910 г. Сергей Илларионович был произведен в генералы от кавалерии. Он имел многочисленные награды, включая орден св. Александра Невского, который получил в юбилейный для царской династии Романовых 1913-й год. Революция прервала военную карьеру генерала. Он эмигрировал из России и скончался в 1926 г. во Франции в г. Версале под Парижем³⁷.

Сын князя Сергея Васильчикова Илларион родился 15 апреля 1881 г. в Петербурге, когда общество еще не оправилось от потрясения, вызванного убийством императора Александра II. Князь Илларион поступил на юридический факультет Московского университета, который успешно окончил. Отбыв воинскую повинность в драгунском полку и получив офицерские эполеты, Васильчиков в 1906 г. поступил на службу в Министерство юстиции, а затем был командирован в канцелярию I департамента Правительствующего Сената. В 1908 г. молодой чиновник участвовал в проведении ревизии Туркестанского края. В 1909 г. как прибалтийский

*Князь Илларион Сергеевич
Васильчиков*

землевладелец князь был избран ковенским губернским предводителем дворянства. В 1912 г. Иллариона Сергеевича избрали депутатом IV Государственной думы. Там князь примкнул к октябристам, занимал пост председателя сельскохозяйственной комиссии и был членом бюджетной. Во время Первой мировой войны он состоял при генералах хане Нахичеванском и П. П. Скоропадском — будущем последнем гетмане Украины, а в военные годы командира 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. После Февральской революции князь Васильчиков активно участвовал в политической жизни. 11 марта 1917 г. он был избран членом особого Временного комитета Государственной думы «для восстановления порядка в Петрограде и всей стране». Тогда же Васильчиков был назначен правительственным комиссаром при Главном управлении Российского Общества Красного Креста. Как человек глубоко православный, искренне болеющий за интересы традиционной русской религии, князь в сентябре 1917 г. был избран членом Поместного Собора Русской Православной Церкви, восстановившего патриаршество. Весной 1919 г. Васильчиков вместе с семьей покинул Советскую Россию. В эмиграции он продолжал оставаться достаточно влиятельной фигурой, был членом Русского парламентского комитета в Берлине, в 1921 г. участвовал в съезде «хозяйственного восстановления России» в Мюнхене, принимал участие в работе Российского зарубежного съезда в Париже.

Как уже говорилось выше, до 1940 г. князь Васильчиков жил в Литве, затем — в Германии. После окончания войны он поселился в Баден-Бадене в Западной Германии, имея там родственников. Илларион Сергеевич деятельно способствовал успешному функционированию православных приходов в ФРГ и других странах Западной Европы. В 1960 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) наградил князя Васильчикова за заслуги перед Православием церковным орденом Святого равноапостольного князя Владимира II степени. Скончался старый князь 3 июня 1969 г. в местечке Эберштайлбрюге близ Баден-Бадена в возрасте 88-ми лет³⁸.

Мастер Великой Ложи

Самым младшим среди детей князя Леонида Дмитриевича Вяземского и, как оказалось, единственным продолжателем старинного рода стал сын Владимир. Князь Владимир Леонидович Вяземский родился 20 апреля 1889 г. в Астрахани — в недолгую пору губернаторства отца в этом южном городе. Как и старшие братья, Владимир избрал себе гражданское поприще, хотя волею судеб и повоювать ему пришлось достаточно. Князь был человеком талантливым и проявлял активный интерес к самым различным сферам науки,

культуры и сельского хозяйства. Он получил прекрасное образование, окончил в 1910 г. Императорский археологический институт, а в следующем году — филологический факультет Петербургского университета. Воинскую повинность отбывал в лейб-гвардии Гусарском полку, где прежде блистал его отец. Там Вяземский в 1912 г. был произведен в корнеты. В начавшейся через два года Первой мировой войне князь сражался в строю гвардейских гусар. Он участвовал во многих боях и был награжден несколькими боевыми орденами: св. Анны IV ст. «За храбрость», св. Анны III ст. и св. Станислава III ст. — с мечами и св. Владимира IV ст. с мечами и бантом. Февраль 1917 г. князь встретил в должности старшего офицера эскадрона и звании лейб-гвардии ротмистра.

После падения Империи Вяземский уволился из армии и решил заняться коннозаводством. Однако, в канун Гражданской войны время для этого оказалось неудачным. С большим трудом через занятую немцами Украину князь Владимир пробрался в Крым к своей семье, вместе с которой весной 1919 г. эмигрировал на Мальту, а оттуда летом того же года перебрался в Париж. Там князь подвизался на различных поприщах. Работал управляющим конным заводом и скаковой конюшней Леона Александровича Манташева, заведовал отделом скачек и бегов в русской эмигрантской газете «Последние новости», печатался в подобном же издании «Русская мысль». Одновременно Владимир Леонидович пробовал свои силы в качестве актера-любителя и брал уроки у известного виолончелиста Вержбиловича. Еще более активно князь участвовал в деятельности русских масонских лож. В 1922-1924 гг. он стал одним из основателей русской Великой Ложы, а в 1924 г. был секретарем ложи «Северное сияние». Позже Вяземский занимал степень магистра («Венерабль») в ложе «Астрейя». После 1935 г. Владимир Леонидович в качестве председателя возглавлял Совет объединенных лож, а после 1938 г. являлся членом масонского Верховного Совета. Много лет занимаясь историей масонства, князь 9 декабря 1957 г. в Объединении русских лож Шотландского Устава прочел доклад «Четверть века существования русского масонства». Писательница и мемуаристка Нина Берберова так отметила это выступление князя: «Вяземский, который был мне лично хорошо знаком, и который был во всех смыслах исключительно приятным, культурным и дружески настроенным ко всем человеком, оставил документ большого интереса. Но к его докладу необходимо относиться сдержанно, так как, будучи исключительно предан тайному обществу, он кое-что важное искажает и даже иногда утаивает»³⁹. Вяземский стремился к объединению Великой Ложы и Ложы Великого Востока. Скончался князь Владимир Вяземский 19 мая 1960 г. в Париже в возрасте 71-го года и был похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Он на 40 лет пережил своих братьев

и ушел последним из семьи князя Леонида Дмитриевича Вяземского⁴⁰.

Незадолго до Первой мировой войны В. Л. Вяземский женился на графине Софье Ивановне Воронцовой-Дашковой, двоюродной сестре жены своего старшего брата Бориса Вяземского. Графиня Софья так же приходилась внучкой наместнику Кавказа графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. Ее родителями были граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков и Варвара Давыдовна Орлова. Отец невесты ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка и флигель-адъютант граф Иван был убит 8 декабря 1897 г. в возрасте 29-ти лет во время несчастного случая на охоте в своем имении Ново-Томниково Тамбовской губернии. Там он и был погребен при Благовещенской церкви, устроенной его отцом графом Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым. Могилу князя Ивана сохраняют и поныне. Надпись на надгробии гласит:

*Слава въ вышнихъ Богу
и на земли миру
во чловецехъ Благоволение*

Флигель адъютант Ротмистръ

Графъ

Иван Илларионовичъ

Воронцовъ-Дашковъ

род. 28 апреля 1868 г.

сконч. 8 декабря 1897 г.

*и азъ Воскрешу его
въ последний день*

Иоанна гл. 6. 54

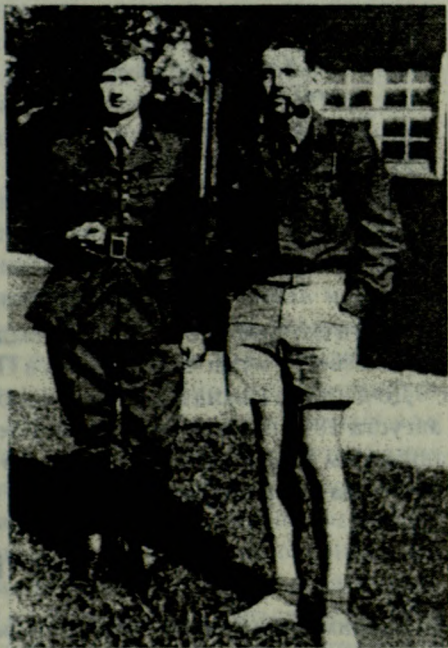
Супруга его графиня Варвара Давыдовна, урожденная Орлова, на 18 лет пережила своего мужа и скончалась в Петрограде в 1915 г. в возрасте 45-ти лет⁴¹. Дочь графа Ивана и Варвары Воронцовых-Дашковых Софья родилась 13 августа 1892 г. и в 5 лет осталась без отца. Со своим супругом князем Владимиром Вяземским она жила долго и счастливо, а скончалась 30 января 1958 г. — на два года раньше мужа.

На новой родине

У Владимира и Софьи Вяземских родились сын Иван и дочь Нина — представители очередного, полностью эмигрантского поколения. Княжна Нина Владимировна вышла замуж за отпрыска другой семьи эмигрантов Алексея Татищева, но потом супруги развелись, и Татищев вторично женился на княжне Ирине Голицыной. Брат Нины князь Иван Владимирович

Вяземский родился 12 декабря 1915 г. в Петрограде и в возрасте трех лет вместе с родителями навсегда покинул Россию. Вырос и получил образование он во Франции, которая во всех отношениях стала для Джима, как звали Ивана в семье и в кругу близких знакомых, второй родиной. Он в совершенстве овладел многими языками, хотя и русский для князя оставался родным. С началом Второй мировой войны Иван Вяземский поступил во французскую армию в чине лейтенанта. Он мужественно сражался за независимость Франции, был дважды ранен, а потом угодил в немецкий плен.

С июля 1940 г. Вяземский находился в немецком лагере в Саксонии под Дрезденом. Родственники, особенно двоюродная сестра Мария Васильчикова, как могли, помогали Джиму пережить заключение. Летом 1943 г. она навестила князя Ивана в лагере для военнопленных, о чем вспоминала в своем знаменитом дневнике: «Понедельник, 16 августа. На рассвете отправилась в лагерь Джима Вяземского... Сойдя в какой-то деревне, я полчаса шла по полям. Лагерь Джима окружен колючей проволокой. У главного входа я вновь предъявила свой документ... мы вышли из лагеря и пешком отправились на пикник. Мимо проезжали машины с немецкими военными, но никто не обратил внимания на женщину, гуляющую по лесу с французским офицером в форме. Это показалось нам очень странным. Джим с головой ушел в работу, он выполняет обязанности переводчика с английского, русского, немецкого, французского, польского и сербского... Всю жизнь у него некрасиво торчали уши, а теперь он решил воспользоваться вынужденным досугом, чтобы подвергнуться операции и выправить их... Я принесла с собой жареного цыпленка и шампанское от Татьяны [сестра Марии], а Джим подарил мне чай и пластинку с записью симфонии Чайковского «Манфред»...» Позднее князь Иван Владимирович изведal настоящие лагерь, где познакомился с русскими военнопленными, которые называли его «товарищ князь».

*Князь Иван Владимирович
Вяземский (справа) в лагере для
военнопленных*

Лейтенант Вяземский был освобожден только весной 1945 г. советской армией. Как знающий языки, Иван Владимирович стал офицером связи при французском и советском главнокомандованиях в Берлине. В то время у многих русских эмигрантов складывалось впечатление, что в России происходят яркие перемены. Русские военные искренне предлагали тогда князю Вяземскому вернуться на родину, верили, что он там выживет и будет служить по дипломатическому ведомству. Долго сомневался Иван Владимирович. Однако, поставив условием возвращение на родину всей своей семьи, он получил отказ. И тем самым, наверняка, спас себя от гибели. До самой смерти князь Вяземский оставался русским человеком. И поныне для его сына памятен тот момент, когда Иван Владимирович радовался и был горд за то, что в космос первым полетел русский. После войны И. В. Вяземский перешел на дипломатическую работу, занимал пост в аппарате Организации Объединенных Наций. Там он курировал проблемы европейской эмиграции, знакомые ему не понаслышке. За свою карьеру князь стал кавалером ряда французских и бельгийских орденов, в том числе — Почетного Легиона. В начале 1960-х гг. И. В. Вяземский заболел тяжелым неизлечимым недугом, который и свел его в могилу 8 января 1964 г. в возрасте всего лишь 48-ми лет. Похоронен князь Иван Владимирович на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Он был женат на дочери французского писателя-академика Франсуа Мориака Мари-Терез-Клэр Мориак, ровеснице революции, родившейся 5 августа 1917 г. Ее отец — уроженец Бордо, был сыном коммерсанта. Окончив литературный факультет университета в Бордо, Франсуа Мориак в 1909 г. опубликовал первый сборник стихов «Соединенные руки». Но всемирная известность к нему пришла в 1920-е гг., когда им были изданы романы «Поцелуй, дарованный прокаженному» и «Пустыня любви». Произведения Мориака рисуют нравы провинциального общества, ставят проблемы брака и семьи. Будучи убежденным католиком, Франсуа Мориак проявил себя тонким мастером психологического анализа. Во время Второй мировой войны он участвовал в Движении Сопротивления. В 1943 г. под псевдонимом Форез Мориак выпустил антифашистскую публицистическую книгу «Черная тетрадь». После войны он продолжил свою литературную деятельность. Его публикации печатались в известных газетах «Figaro» и «Express». В 1952 г. Франсуа Мориаку была присуждена Нобелевская премия. Однако в литературной Франции известен не только отец супруги князя Ивана Владимировича Вяземского, но и ее старший брат Клод. Он получил прекрасное образование, закончив литературный и юридический факультеты Сорбонны. Доктор юридических наук Клод Мориак в 1944-

1949 г. служил личным секретарем главы Временного правительства Франции генерала Шарля де Голля. С 1947 г. Мориак принадлежал к школе «нового романа» и выступал как кинообозреватель еженедельника «Литературный Фигаро». За свою литературную деятельность Клод Мориак был удостоен премии Сент-Беве и премии Медичи⁴².

Наконец, последними продолжателями бывшей владимирской ветви Вяземских стали дети Ивана-Джима и Мари Мориак — Петр и Анна. По сути, они — уже природные французы, даже имя и фамилию пишущие на французский лад — Вяземски. Князь Петр Иванович Вяземский в 1971 г. женился на француженке Фабьен-Клэр Серван Шрайбер, дочери Жана-Клода Серван Шрайбера. П. И. Вяземский — потомок в XXX колене от Рюрика и в X колене от князя Никиты Семеновича Вяземского, обосновавшегося почти 400 лет назад в нашем крае. Одновременно в XIII поколении предком князя Петра является суздальский дворянин Афанасий Молвянинов, дядя которого подписал грамоту князя Коврова на будущий город имени этой фамилии.

Сестра П. И. Вяземского Анна, чье полное имя Ани-Франс-Софи Вяземски, получила известность как писательница и киноактриса, которая снималась в знаменитых фильмах французской «новой волны». В романе «Гимны любви» она с большой теплотой и нежностью пишет о своем отце. Со временем княжну Анну Вяземскую все больше интересуют ее российские корни, история ее рода. За роман о своем родном дяде, убитом в своей русской усадьбе в годы Гражданской войны, Анн-Франс-Софи Вяземски была удостоена премии Парижской Академии. В 1967 г. княжна Анна Ивановна вышла замуж за знаменитого кинорежиссера и сценариста Жана-Люка Годара. Ее супруг являлся одним из ведущих представителей так называемой «новой волны». Родился Годар в 1930 г. и по образованию был этнографом. Карьера его началась в начале 1950-х гг., когда он выступил как кинокритик в журнале «Cahiers du cinéma». В те же годы Годар поставил несколько короткометражных фильмов. Свой первый полнометражный фильм под названием «На последнем дыхании» он снял в 1960 г. Одну из ролей в нем сыграл ныне известный во всем мире актер Ж.-П. Бельмондо. Среди других известных фильмов Годара можно упомянуть снятые в разные годы «Карабинеры», «Маленький солдат», «Далеко от Вьетнама», «Китайка», «Страсть» и другие. За свои работы Жан-Люк Годар в 1982 г. на международном кинофестивале в Венеции был удостоен юбилейной премии. Впоследствии знаменитый кинорежиссер и княжна Вяземская разошлись⁴³.

Так потомки легендарного викинга Рюрика, за столетия полностью обрусев и даже затерявшись во владимирских лесах, со временем вновь стали по отношению к России завзятыми иностранцами. Но этих прошедших столетий из нашей истории, как слов из песни, не выкинешь. Семейная хроника

малоизвестной ветви рода князей Вяземских, как раз и «потерявшейся» от внимания исследователей на нашей древней владимирской, суздальской, ковровской земле — это своеобразный срез отечественной истории. Причем, истории как большой, так и малой родины, разделить которые невозможно.

Примечания

¹ Новый летописец//Хроники Смугного времени. М., 1998. С.328; Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч.1. С.9; Эскин Ю. М. Местничество в России XVI-XVII вв. М., 1994. С.108, 131.

² Фролов Н. В. Из истории Камешковского края: Ковров, 1996. С.48.

³ Материалы для истории церквей Владимирской губернии. Вып.6. М., 1911. С.76.

⁴ Дворянские роды Российской империи. Т.1. СПб., 1993. С.237.

⁵ Материалы для истории церквей Владимирской губернии. Вып.6. М., 1911. С.76.

⁶ Владимирская десятина жилых данных церквей 1628-1746 гг.//Материалы для истории Владимирской епархии. Вып.1. Владимир, 1894. С.264-265.

⁷ ГАВО. Ф.301. Оп.5. Д.8. Л.241-243.

⁸ Владимирская десятина жилых данных церквей 1628-1746 гг.//Материалы для истории Владимирской епархии. Вып.1. Владимир, 1894. С.295-299.

⁹ Фролов Н. В. Из истории Камешковского края. Ковров, 1996. С.46-48.

¹⁰ ГАВО. Ф.301. Оп.3. Д.1. Л.206, Оп.5. Д.137. Л.1158, Д.140. Л.122, Д.210. Л.887об.-888, Ф.556. Оп.107. Д.15. Л.522.

¹¹ Фролов Н. В. Из истории Камешковского края. Ковров, 1996. С.48.

¹² Он же. Владимирский родословец. Вып.1. Ковров, 1996. С.142-143; Фролов Н. В., Фролова Э. В. Ковровский исторический сборник. Вып.2. Ковров, 2001. С.68-69.

¹³ Фролов Н. В. Предводители дворянства Владимирской губернии. Владимир, 1995. С.33-36.

¹⁴ ГАВО. Ф.93. Оп.2. Д.172, Ф.243. Оп.3. Д.180, Ф.244. Оп.1. Д.249, Ф.301. Оп.3. Д.1. Л.206, Оп.5. Д.97. Л.284, 329об.; РПН. Т.1. М., 1914. С.175.

¹⁵ Фролов Н. В. Из истории Камешковского края. Ковров, 1996. С.47.

¹⁶ Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства/Сост. А. Н. Нарцов. Т.1. Ч.2. Тамбов, 1904. С.447, 454; Любимов. Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. 1777-1910. СПб., 1911. С.64; Месяцеслов. СПб., 1786. С.231.

¹⁷ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506-1608 гг. М., 1998. С.280-281.

¹⁸ ГАВО. Ф.93. Оп.2. Д.172.

¹⁹ Там же. Ф.243. Оп.3. Д.180.

- ²⁰ Там же. Оп.1. Д.3. Л.26об.; *ВГВ*. №3. 21.1.1872; *РПН*. Т.1. М., 1914. С.176.
- ²¹ Свирский В. Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир, 1890. С.112-113.
- ²² *ГАВО*. Ф.243. Оп.1. Д.3. Л.26об.; Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства/Сост. А. Н. Нарцов. Т.1. Ч.2. Тамбов, 1904. С.454; *ВГВ*. №16. 17.4.1848.
- ²³ *ГАВО*. Ф.243. Оп.1. Д.3. Л.26об.; *ВГВ*. №18. 1.5.1870.
- ²⁴ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1995. С.291.
- ²⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С.117.
- ²⁶ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг.//Российский архив. Т.VII. М., 1996. С.449-450.
- ²⁷ Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М., 1995. С.236-237.
- ²⁸ *ГАВО*. Ф.243. Оп.1. Д.3. Л.26об.; Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С.77; Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства/Сост. А. Н. Нарцов. Т.1. Ч.2. Тамбов, 1904. С.454; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Т.1. М., 1999. С.656; Носик Б. М. На погосте XX века. СПб., 2000. С.105.; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Т.1. М., 1994. С.499; Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Биографии. Т.6. М., 1997. С.856.
- ²⁹ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802-1917. СПб., 2002. С.156.
- ³⁰ Письма великого князя Николая Михайловича к императору Николаю III// Российский архив. Т.IX. М., 1999. С.353, 367.
- ³¹ Из дневника графа С. Д. Шереметева. 1917 г.//Российский архив. Т.VI. М., 1995. С.488; Список МВД. 1914. С.670; Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т.1. М., 1962. С.162.
- ³² Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С.377.
- ³³ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С.113.
- ³⁴ Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Т.1. М., 1962. С.162; Берберова Н. Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.46, 145-146; Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С.122; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Т.2. М., 1999. С.411.
- ³⁵ Кн. Мария Васильчиковна. Берлинский дневник. 1940-1945. М., 1994. С.97-99.
- ³⁶ Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С.58; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Т.1. М., 1999. С.513; Носик Б. М. На погосте XX века. СПб., 2000. С.85-89.
- ³⁷ Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1995. С.246-247.

³⁸ Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С.58; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Т.1. М., 1999. С.513; Носик Б. М. На погосте XX века. СПб., 2000. С.85-89.

³⁹ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С.145, 222-223.

⁴⁰ Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С.77; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Т.1. М., 1999. С.656-657; Носик Б. М. На погосте XX века. СПб., 2000. С.106.

⁴¹ Алексеев В. Н. Граф И. И. Воронцов-Дашков и его потомки. (Опыт родословной росписи)//Воронцовы — два века в истории России. Петушки, 1999. С.6-7.

⁴² Краткая литературная энциклопедия. Т.4. М., 1967. С.974-975; Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С.77; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Т.1. М., 1999. С.657; Носик Б. М. На погосте XX века. СПб., 2000. С.106-109.

⁴³ Кино. Энциклопедический словарь. М., 1986. С.97; Носик Б. М. На погосте XX века. СПб., 2000. С.106.

Список сокращений

ГАВО — Государственный архив Владимирской области

ВГВ — Владимирские губернские ведомости

Месяцеслов — Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова... СПб., ...

РПН — Русский провинциальный некрополь. Т.1. М., 1914.

Содержание

Неизвестные известные Вяземские	3
Наши Вяземские	4
Потомки князей Смоленских	5
Помещики владимирские и суздальские	6
Храмоздатель во втором поколении	8
Городничиха из Суздаля	10
Курьер к Кутузову	12
Сиятельный полковник	12
Потомки суздальцев Молвяниновых	14
Якиманская трагедия	16
Незаметное поколение	19
Подобаяющий тигулу блеск	21
Жертвы великого года	26
Маннергейм сказал «да»	29
Заговорщица против Гитлера	31
Орден от Патриарха	33
Мастер Великой Ложы	35
На новой родине	37
Примечания	41
Список сокращений	43

Отпечатано в ООО «Великоросс»

Лицензия ПЛД № 34-14 от 26.3.97, г. Тверь.

601903, Владимирская обл., г. Ковров, ул. XIX Партсъезда, д. 5.

Тел.: (09232) 9-30-66

Сдано в набор 15.04.2003 г.

Подписано к печати 14.05.2003 г.

Формат 84X108 1/16. Гарнитура Таймс.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 2,75.

Тираж 100 экз. Заказ № 196.

20-00

Цена	
руб.	20
коп.	00
учет	1/2004

